То же самое и в отношении политических и семейных прав. Однако когда речь идет о личных правах, картина меняется. Здесь наиболее недовольными являются лица со средним специальным и высшим образованием. Возможно, это связано с пониманием своих прав и фактами их ущемления органами власти или другими физическими и юридическими лицами.

Итак, сущностное назначение правоохранительных органов заключается именно в охране прав и законных интересов граждан, поэтому принцип законности в деятельности данных органонов должен быть непререкаемым. Однако суждения населения относительно соблюдения закона правоохранительными органами оставляют желать лучшего, поэтому основной задачей на современном этапе должно стать не только формирование положительного имиджа правоохранительных органов среди населения, но и создание реальных условий для того, чтобы данные органы действовали в соответствии с законом.

Список литературы

Бурдье, П. Социология политики. − М.: Socio-logos, 1993.

Зрячкин, А.Н. К вопросу о соотношении причин и источников правового нигилизма // Новая правовая мысль. − 2006. − № 2.

Квинтэссенция: философский альманах / сост. В.И. Мудрагей, В.И. Усанов. − М. : Изд-во политической литературы, 1990.

Сауляк, О.П. Правовой нигилизм как инвариант отечественного правосознания// Российская юстиция. − 2009. − № 9.

© Новокрещенов А.В., 2010

В.В. Серебрянников

ЭВОЛЮЦИЯ ВОЙНЫ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯВЛЕНИЯ[1]

СЕРЕБРЯННИКОВ Владимир Васильевич − доктор философских наук, профессор, генерал-лейтенант, заместитель руководителя Центра социологии национальной безопасности Института социально-политических исследований РАН (e-mail: soc.vlast@ur.rags.ru)

[1] Статья подготовлена на основе материалов, опубликованных в монографии автора «Социология войны». См.: *Серебрянников, В.В.* Социология войны. − М., 1998.

Аннотация. *В статье эволюция войны представлена как общественно-политическое явление в истории человечества, требующее глубокого познания процесса обеспечения военной безопасности на планете Земля.*

Ключевые слова: *мировые войны, последствия войн, политизация современных военных действий.*

Исследования эволюции войны как особого общественно-политического явления имеют две главные цели. Во-первых, на основе глубокого познания устранить ее из жизни человечества, подобно тому, как медицина исследует тяжелейшие болезни для избавления от них людей. Во-вторых, пока существуют войны или возможность их возникновения, жизненно важно хорошо знать ее законы и свойства, чтобы эффективнее решать проблемы обеспечения военной безопасности своего государства, а также в региональных и глобальных масштабах.

Война относится к историческим явлениям, развивающимся наиболее быстро. Исследователи давно уже отмечали, что она значительно раньше достигла развитых форм, нежели мирные отношения, что она была и остается мощнейшим локомотивом научно-технического прогресса. XX век, вопреки прогнозам столетней давности, был самым воинственным. Война в рамках этого века претерпела самые глубокие изменения по социально-политическому содержанию, военно-техническому облику, характеру применяемого оружия, масштабам, разрушительности и истребительности, воздействию на жизнь общества. В XX в. войны в своем развитии достигли ступени мировых, охватывая большинство государств и населения планеты, огромные сухопутные, морские и воздушные пространства. Ракетно-ядерная война, возможность которой в последнее время существенно сузилась, но не исчезла, достигла бы в прямом смысле слова глобальных масштабов и означала бы гибель человечества и самой планеты Земля. Война как бы исчерпала возможности пространственного расширения и, может быть, поэтому все чаще говорят о межпланетных войнах. В калейдоскопе событий ушедшего века мелькали бесчисленные войны пехоты и конницы, пулеметных тачанок, «войны моторов», несостоявшиеся, но грозившие разразиться атомные и ядерные войны, «технотронно-компьютерная» война 1991 г. в Персидском заливе. Глубочайшие кризисы, потрясения, социальные прорывы и трансформации, характерные для XX в., породили массовые войны за социальную справедливость, против насилия и угнетения, между государствами противоположных социальных систем, против мировой реакции, за спасение цивилизации и т. п. Так, Великая Победа 1945 года предотвратила превращение большинства стран, составляющих 90% населения мира, в рабов коалиции фашистских государств с населением до 10% жителей Земли.

В последнее десятилетие XX в. выявилось множество зародышей новых форм и видов войн и военных конфликтов: межнациональных и межэтнических, межконфессиональных, террористических, экологических и т. п.

Есть ли основания для оптимизма в обуздании войны? Из каких тенденций ее эволюции следует исходить тем, кто обеспечивает военную безопасность?

Многие изменения в характере войны буквально бросаются в глаза. Но есть и такие, которые скрыты в ее глубинной сути, и их познание весьма и весьма сложно.

Изменения, которые как бы лежат на поверхности, можно проследить по данным, представленным в табл. 1

Таблица 1

Периодичность войн на протяжении больших отрезков исторического времени

Исторические периоды	Продолжительность периодов в годах	Количество войн и конфликтов за период	Средняя частота войн и конфликтов в год
Вся история	5000	15 тыс.	3
От начала 90-х гг. XIX в. до 90-х гг. XX в.	100	420	4,2
От конца XIX в. до Первой мировой войны	20	36	– 2
Между двумя мировыми войнами (1918–1939)	21	80	– 4
1945–1990 гг.	45	300	– 7,5-8
1990–1995 гг.	5	Ежегодно имели место 33–37 крупных вооруженных конфликтов	

Из таблицы следует, что частота войн в XX в. колебалась, но в целом превысила среднюю частоту войн за всю известную историю человечества примерно в 1,5 раза. При этом с конца XIX в. до начала Первой мировой войны, т. е. в течение почти 20-ти лет, частота войн была ниже средней. Затем между двумя мировыми войнами она возросла в 1,3 раза, а за 45 лет после Второй мировой войны — более чем в 2,5 раза. В первое пятилетие 90-х гг. в мире ежегодно возникали 33–37 крупных вооруженных конфликтов.

Импульсы учащения войн вызывались кардинальными изменениями мира в 1914–1920, 1939–1945, 1985–1994 гг. Многие исследователи полагают, что тенденция учащения войн сохранится не только в краткосрочной (1–2 года), но и в среднесрочной (5–10 лет) и даже долгосрочной

(15−20 лет) перспективе (а может, и в более отдаленной). По данным некоторых прогностических центров Запада, в XXI в. возрастет число локальных вооруженных конфликтов. Оценивать как новую тенденцию снижение числа локальных войн в 1996 г. до 27-ми в 24-х регионах против ежегодно возникавших более 30-ти конфликтов в 25—30 регионах в 1989−1995 гг., на наш взгляд, преждевременно.

Заметно изменяются масштабы войн. Если до середины XX в. они расширялись, то во второй половине обнаружилась и нарастает тенденция их «разукрупнения»: становился все меньше больших, возрастает число средних и малых войн. Это не означает, что время «больших войн» навсегда ушло в историю. Войны в Персидском заливе («Буря в пустыне»), в бывшей Югославии, в Чечне и другие свидетельствуют об обратном. Но уменьшение вероятности нового глобального конфликта и «дробление» войны, связанные с резким возрастанием ее разрушительности и истребительности, стремлением избежать ужасающих последствий большой войны, бесспорны. Средние и малые войны в совокупности как бы заменяют большую войну, растягивая во времени и пространстве ее тяжкие последствия. По данным СМИ, за 50 лет, прошедших после Второй мировой войны, в средних (25—30) и малых (более 400) войнах, которые охватили не меньше стран, чем было в большой войне, погибли свыше 40 млн человек, более 30 млн оказались беженцами, что сопоставимо с жертвами и бедствиями мировых войн.

Расширилось содержание войны. Если сто и более лет назад оно в подавляющей мере исчерпывалось вооруженной борьбой, то в XX в. все более дополнялось дипломатической, экономической, информационно-психологической, разведывательно-диверсионной, террористической и другими формами борьбы, подчиненными единой цели и развертывающимися не только на территории воюющих стран, но и на глобальном геополитическом пространстве. Подтверждается мысль Клаузевица: чем грандиознее мотивы войны, тем больше она охватывает все бытие народов. Это, как правило, относится и к малым войнам.

Особо следует отметить неизмеримо возросшие жертвы, бедствия и страдания мирного населения в ходе войн XX в. Это объясняется рядом причин. Во-первых, ускоряющимся процессом урбанизации, сосредоточением основной массы населения в городах, усилением политической и военно-стратегической значимости. Во-вторых, резким увеличением дальности действия оружия, особенно авиационного, Это открыло возможность мощными ударами по городам расшатать тыл и фронт, ускорить разгром армий противника. В-третьих, в XX в. быстро увеличивался удельный вес боевых действий в городских условиях. Например, более 40% сражений в Европе во время Второй мировой войны происходили в городах и крупных населенных пунктах. Так было и в большинстве военных конфликтов

во второй половине XX в.: в Корее, Вьетнаме, на Балканах (90-е гг.). Многие специалисты полагают, что городские территории будут наиболее вероятным местом боев и в дальнейшем. Именно к таким боевым действиям ведется подготовка армий, в частности армии США.

В этом отношении войны XX в. все более приобретали террористический характер: мирное население воюющих сторон превращалось в один из важнейших объектов вооруженного воздействия со стороны всех субъектов борьбы с целью подорвать таким образом волю и способность противника сражаться. Этим особенно отличались фашистские государства.

К числу террористических можно отнести и массированные ковровые бомбардировки немецких городов союзниками по антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне. В данном случае политики ставили задачу сломить волю немецкого гражданского населения к сопротивлению в их же собственных городах. В 38-ми городах, подвергнувшихся бомбардировкам, насчитывалось 72% городского населения Германии. 13—14 февраля 1945 г. англо-американская авиация совершила три налета на Дрезден, в которых участвовали более 1 400 бомбардировщиков. Было сброшено 3 749 т бомб, из них 75% зажигательных. При первом налете на город (в ночное время) было сброшено наибольшее количество зажигательных бомб, а второй налет, последовавший через три часа после первого, имел целью воспрепятствовать тушению пожаров и спасательным мероприятиям. Через восемь часов, днем, последовал третий удар. В нем, наряду с бомбардировщиками, были задействованы сотни истребителей, которые с малых высот расстреливали людей, уцелевших после ночных налетов. В результате погибли 135 тыс. человек, еще больше жителей получили ожоги и ранения. В результате налета были разрушены около 35 470 зданий. Пожары в городе продолжались несколько суток.

… Город Дрезден не имел военного значения и находился в зоне, намеченной для вступления туда советских войск.

Таким же методом осуществлялись удары и по ряду других городов. В Гамбурге от них погибли более 40 тыс. мирных жителей.

Террористическими по своему смыслу были атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, войны в Корее, Вьетнаме, Афганистане, Ираке и т.д. В Хиросиме и Нагасаки только в результате атомных бомбардировок погибли около 0,5 млн человек.

О террористическом характере современных войн убедительно свидетельствует статистика. Удельный вес жертв среди мирного населения составил: в Первой мировой войне − 5% от всех погибших, во Второй мировой – 50%, в войнах в Корее (1950−1953) – 84%, во Вьетнаме (1964−1973) – около 90%, в Чечне (1994−1996, по предварительным данным) − до 95%.

Войны, по существу, стали массированным, организованным государством террором. Чтобы ослабить терроризм в современных войнах, международным сообществом выработаны правила ведения войн, но они грубо попираются практически всеми. Так было, например, во всех конфликтах на постсоветском пространстве: в Грузии, Карабахе, Молдавии, Таджикистане, Чечне и т. д. Захват заложников, одно из самых тяжких военных преступлений, стал для противодействующих сторон правилом.

Война как террор отличается тем, что он осуществляется на основе политики государства, его вооруженными сипами и другими силовыми структурами, тогда как обыкновенный (уголовный или политический) терроризм осуществляется преступными антигосударственными тайными организациями, имеет свои специфические средства, соответствующую тактику и идеологию. Впрочем, во время войны все виды терроризма тесно переплетаются и часто переходят друг в друга.

Малые народы, ведя освободительные войны против более сильных поработителей, бывают вынуждены прибегать к покушениям, диверсиям, захвату заложников и т. д. Иначе они не способны противостоять регулярным армиям. Иногда подобные действия не считают терроризмом. Если эти акты вынуждаются колониальным угнетением, экспансией, массовыми репрессиями тоталитарных государств, геноцидом, социальным и национальным угнетением и т. п., если они возникают на гребне общественного возмущения, то это, как полагает известный социолог С. Эфиров, нечто противоположное терроризму. Критерием различия служит выявление связи с массовой освободительной борьбой. Например, подрывные акции, широко применявшиеся местным населением в Алжире, Вьетнаме, Афганистане, Чечне и т. п., не все склонны относить к террористическим.

На наш взгляд, террор остается террором во всех случаях, хотя его характер может и меняться в зависимости от социальной и нравственно-психологической подоплеки. Нельзя отрицать, что во время войн террор может иногда сыграть большую роль. Например, в ходе российско-чеченской войны (1994−1997) именно крупные террористические акции чеченцев в Буденновске, Кизляре, Первомайском вынудили российских политиков приступить к мирным переговорам.

За внешними изменениями войны скрываются внутренние — сущностные. О глубоких, но трудноопознаваемых изменениях в самом основании войны как общественно-исторического явления свидетельствует непрекращающаяся острая дискуссия вокруг формулы Клаузевица о сущности войны.

Одни полагают, что ядерная война (как и большая война с применением «обычного» оружия) перестала быть продолжением политики, и формула Клаузевица полностью устарела по отношению к ней. Другие, напротив, считают, что и ядерная война, если она возникнет, будет продолжением по-

литики, что формула Клаузевица непоколебима. Истина, как всегда, находится между крайностями. Наиболее близки к ней те, кто признает сохранение и даже усиление генетической связи войны с политикой (последняя является причиной, определяет характер войны и т.д.), но одновременно видит разрыв современной войны с политикой в функциональном смысле: война грозит гибелью человечества и самой политике, переставая быть ее эффективным орудием, средством достижения политических или иных целей. Такая новая суть войны наиболее полно воплощается в ядерной и возможной новой мировой войне с применением обычного оружия. Эта суть все сильнее проявляется во всех современных войнах вследствие сближения поражающих свойств ядерного и обычного вооружения. Например, почти в двух третях малых и средних войн не только не удавалось достичь поставленных целей, но и получались прямо противоположные результаты.

Для понимания диалектики взаимосвязи политики и войны в ядерный век необходимо вникнуть в логико-генетическую и объективно-субъективную структуры войны. Такая война, как бы ни было мощно применяемое оружие, не сводится к вдруг возникшей и мгновенно совершившейся катастрофе. Логико-генетическая структура включает: появление научных и технических предпосылок создания сверхоружия, принятие решений о его создании и внедрении в войска, подготовку к применению, решение на применение, обмен первыми ударами (тактического или оперативно-стратегического характера), включение основной массы ядерного оружия (неуправляемый процесс), результаты. Выделение этой структуры необходимо для понимания того, что есть такие этапы, когда возможно и необходимо делать все для предупреждения начала боевых действий, и главное здесь — воздействие на политику, которая может породить гибельную войну. Подготовка к войне, принятие решения о ее начале, даже «пробное» применение оружия массового истребления — это все еще политика. Но при переходе определенной «красной черты», когда начинается полномасштабная ядерная война — это уже не политика, а гибель всего и вся, в том числе и политики.

То обстоятельство, что ядерная война в генетическом смысле остается продолжением политики, а малые обычные войны в еще большей мере могут быть определены как продолжение политики средствами вооруженного насилия, не означает, что в сути войны почти ничего не изменилось. Надо научиться видеть не только изменение в соотношении политики и вооруженной борьбы, но и глубокие трансформации самих двух коренных признаков войны: а) политики государств, б) средств вооруженного насилия. Именно эти изменения в их диалектическом единстве позволяют выявить важнейшие отличительные черты и характеристики современных войн.

Чрезвычайно важно теоретически и практически выявить *новое содержание* в той политике, которая порождает, направляет, регулирует современные войны. Это прежде всего нарастающие в политике некоторых государств тенденции гегемонизма, насильственного сохранения привилегий в использовании мировых ресурсов и эксплуатации отсталых стран, приоритета эгоистических интересов наиболее хищнических, экстремистских и агрессивных социальных групп и слоев; возрастающее влияние на политику организованной преступности, партий и отдельных личностей с криминально-диктаторскими и воинственными наклонностями; получение политиками в свое распоряжение все более жестоких и истребительных средств насилия; возрастающий в ряде мест культ силы, милитаризма и войны.

Эти и другие тенденции приводят к существенным изменениям политики: в ней нарастают радикализм, несправедливость, экспансионизм, жестокость и антигуманизм. Войны, порождаемые такой политикой, становятся все более кровавыми, террористическими, разрушительными, попирающими общепризнанные законы и обычаи. Об этом свидетельствуют войны и военные конфликты последнего пятилетия в разных регионах мира, но особенно на постсоветском пространстве.

Четким признаком «политизации» современных войн (вооруженных конфликтов) является и то, что в 33−37 ежегодно имевших место за последние пять лет вооруженных конфликтах стороны оспаривали право контроля правительства либо определенных регионов (территорией) какой-либо страны. Это свидетельствует о том, конфликты были внутренними и сугубо политическими по характеру. Применение армии в политических конфликтах участилось в конце 80-х и начале 90-х гг. на территории распавшегося СССР. Не миновала сия «чаша» и Россию. Эпизод с расстрелом парламента и сотен его сторонников 3−4 октября 1993 г. выражал непримиримость политических целей сторон. До предела была политизирована и война в Чечне.

Именно потому, что войны становятся все более политизированными, т. е. в них преследуются, прежде всего, далеко идущие политические цели, они становятся и более изощренными в техническом отношении. Политика как бы подгоняет совершенствование оружия, всей технической базы вооруженной борьбы, а также более решительное их применение. Некоторые представления о растущих темпах изменения материально-технической стороны войны можно составить по следующим данным. В войнах 1950−1953 гг. в Корее было введено девять ранее неизвестных видов боевой техники; во Вьетнаме (1964−1975) — 25, в вооруженных конфликтах на Ближнем Востоке и Фолклендах — 30, а в войне в Персидском заливе количество новых образцов оружия и боевой техники возросло сразу в несколько раз и составило более 100 разновидностей.

Некоторые исследователи полагают, что события в Персидском заливе означали конец эры классических войн и начало эры электронных, информационных, компьютерных, космических, экологических и других войн, имеющих строго техническую основу. Начинается широкая компьютеризация армий, которую в США, например, планировали завершить к 2010 г., и на это до конца столетия предполагалось израсходовать 2 млрд долларов.

Солдат армии XXI в. предстает до предела компьютеризованным. Он будет выглядеть примерно так: на голове каска с микрофонами и прибором ночного видения, перед глазами миниатюрный экран, на спине для обнаружения мин и химических веществ расположен компьютер с датчиками, которые управляются с помощью голоса. В руках у солдата будет оружие с видеоприцелом, присоединенным к экрану на каске. Воин сможет целиться, не покидая укрытия, и будет немедленно получать любую необходимую ему информацию, например, о месте нахождения противника. Небольшие подразделения, оснащенные компьютерами, функционирующими в единой цепи, смогут выполнять тот же объем задач, что и нынешняя дивизия.

Развиваются теории и стратегии, согласно которым можно достичь целей при наименьшем количестве жертв, для чего следует обеспечить себе решающее военно-техническое превосходство. Соотношение потерь у противоборствующих армий в зависимости от различия их технической базы резко изменяется. Если в войнах до второй половины XX в. оно составляло 1:1,5 — 2,5:4 в пользу технически более совершенной армии, то в войне в Персидском заливе в 1991 г. оно было 1:800 в пользу США, или около 10 погибших американцев против почти 10 тыс. иракцев. В этой войне крылатые ракеты и самолеты, способные к скрытым действиям, с лазерными системами наведения разрушили военную и экономическую инфраструктуру средней по размерам страны за несколько недель.

Впервые в истории даже находившиеся в укрытиях наземные войска не были защищены и не могли противостоять технологически более совершенным военным силам. Ирак потерял около 1700 танков, 1000 бронированных машин и более 1500 огневых средств артиллерии еще до того, как началась наземная война. Данные, касающиеся расположения противника, были получены американцами при помощи радаров, находившихся в воздухе, передавались на наземные станции и направлялись командованию на переднюю линию фронта за считанные минуты. Впервые управляемые ракеты сбивали другие ракеты в боевом сражении. Применение этих технологий опытными командирами и профессионально хорошо подготовленной армией показало ту огромную пропасть, которая разделяет тех, кто владеет современным оружием, и тех, у кого его нет.

Иракская армия подверглась массированному психологическому воздействию. Психотронные потери превзошли физические: морально- бое-

вой дух личного состава иракских войск упал на 40−60%. Американцы распространили 30 млн листовок. Для дезинформации противника было задействовано 2500 радиопередатчиков.

Кстати, американцы, используя СМИ, преподнесли эффективность своих действий как неопровержимое доказательство абсолютного превосходства собственного оружия над советским, так как иракская армия в основном использовала образцы оружия, закупленного в свое время в СССР. На деле все обстояло далеко не так.

Усиление поражающих свойств и живучести армий зачастую идут в ногу, обгоняя друг друга на тех или иных этапах. «Буря в пустыне» не привела к разгрому иракской армии. С одной стороны, Ирак принял решение выполнить требования ООН и ушел из Кувейта, хотя и понес немалые потери. С другой стороны, группировка войск США, например, в Сомали не смогла, несмотря на техническое превосходство, выполнить свою миссию и вынуждена была покинуть страну, опасаясь слишком больших потерь в живой силе.

Специалисты полагают, что в ближайшие годы и десятилетия в развитии оружия и техники решающее значение будет придаваться средствам информатики, связи, разведки, радиоэлектронной борьбы, автоматизированным системам управления войсками и оружием. Продолжится совершенствование высокоточного обычного оружия, предпочтение будет отдаваться наступательным ударным средствам, а не оборонительным. Еще более усилится стратегическая триада, главным образом ракетные подводные системы и стратегическая авиация с крылатыми ракетами большой дальности. Существенно усовершенствуются средства повышения живучести войск.

В связи с этим главная тенденция в развитии материально-технической базы войны проявляется в создании не отдельных видов оружия, а систем вооружений, и основные усилия в борьбе с противником будут направлены не на физическое уничтожение каждой единицы оружия, а на разрушение их единого информационного пространства, источников интеллекта, каналов навигации, наведения, систем связи и управления в целом. Происходит так называемая «интеллектуализация» оружия и боевой техники, т. е. применение для их управления элементов искусственного разума.

Высокотехнологичные системы вооружений позволят в недалеком будущем существенно увеличить удельный вес боевых действий без непосредственного соприкосновения войск (так называемые бесконтактные войны). В перспективе не исключено появление оружия на основе новых физических свойств, более мощных источниках энергии, в частности лазерного оружия. Многое может изменить в вооруженной борьбе создание различных видов «не смертоносного оружия», не убивающего людей, но нарушающего работу всех видов техники связи и управления, любых дви-

гателей, разрушающего шины автомашин и самолетов. Усиленно ведутся работы по созданию новых средств массового поражения, особенно через воздействие на психологию и биологию людей: «генетического» (вызывающего эпилепсию, сердечные приступы и т. п.), «этнического», «психологического» (провоцирующего массовые психозы, расстройство нормальной работы органов чувств и сознания) и т. д. Прилагаются большие усилия по развитию ядерного и космического оружия.

Развитие оружия и военной техники способно оказать революционизирующее воздействие на характер вооруженной борьбы. Зарубежные ученые Б. Грэй, О. Мортон, Ф. Ригесон и другие полагают, что сражения уподобятся гигантским ракетно-артиллерийским дуэлям, боевые действия будут вестись в высочайших темпах, нередко победа будет достигаться умелым маневрированием и т. п.

Однако следует иметь в виду, что пока в большинстве войн главную роль по-прежнему будут играть обычные виды, а не экзотическое оружие будущего. Войны все более политизируются и становятся более разрушительными и истребительными, подрывая основы существования того или иного государства, народа, региона.

© Серебрянников В.В., 2010